

— Ты не хочешь? — Вэй Чэнцзэ даже не пытался ничего скрывать и прямо озвучил свою цель.

Золотая нить, трава с тысячелетней выдержкой, обладает способностью очищать кровь, выводить яды и защищать от вторжения злой ци, а уж о её свойствах и говорить нечего. Если проглотить её сырой, можно обрести тело, невосприимчивое к любым ядам, а если сварить из неё пилюлю, она поможет обуздать рождение внутренних демонов и сделает путь совершенствования намного более гладким. Среди всех практикующих в Поднебесной не нашлось бы никого, кто смог бы остаться равнодушным к такому искушению.

Услышав это, Фу Анье легко рассмеялся и, не отрывая глаз, уставился на Вэй Чэнцзэ:

— Разумеется, хочу.

Оставалось лишь гадать, что именно он имел в виду — золотую нить или самого Вэй Чэнцзэ.

Вэй Чэнцзэ бросил на него косой взгляд, ничего не ответил, но уголки его губ невольно изогнулись чуть сильнее.

Там, где растут духовные травы, обязательно обитают духовные звери, и место, где пряталась эта золотая нить, не было исключением.

Глядя на огромного черного питона, свернувшегося кольцами на скале, Вэй Чэнцзэ поймал себя на мысли, что зрелище это довольно забавное.

Этот гигантский питон пика стадии Основания доставил Вэй Цзыаню и Лю Жуюй, которые его обнаружили, немало хлопот. Ситуацию можно было смело назвать битрой на грани жизни и смерти, однако очевидно, что полученная в итоге добыча стоила того, чтобы рисковать.

Понаблюдав некоторое время за змеем, Вэй Чэнцзэ повернулся к Фу Анье и небрежно бросил:

— Сам справишься или мне заняться?

— Разве я позволю тебе утруждать себя? — тихо и двусмысленно усмехнувшись прямо в ухо Вэй Чэнцзэ, Фу Анье взмахнул веером и шагнул из укрытия, не переставая улыбаться.

Громадный питон пика стадии Основания не продержался под его ударами и одного раунда: его аккуратно разрубили на несколько частей. Темная змеиная кровь залила всю землю, заставив Вэй Чэнцзэ поморщиться.

Наблюдая за тем, как Фу Анье бережно извлекает золотую нить из земли и прячет ее в пространственный мешок, Вэй Чэнцзэ лениво зевнул, не выказав при этом ни капли удивления.

Пусть этот питон и выглядел жутко, в конце концов, его база культивации находилась лишь на

пике стадии Основания. Не говоря уже о Фу Анье, даже Вэй Чэнцзэ, находившийся лишь на начальной стадии Основания, смог бы снести ему голову мечом, используя особенности Искусства Небесной Тьмы. Другое дело, что действуй он сам, вышло бы далеко не так легко и непринужденно, как у Фу Анье.

Увидев, что Фу Анье закончил собирать траву и возвращается назад, Вэй Чэнцзэ улыбнулся ему:

— Идем в следующее место.

Фу Анье бросил на него взгляд, уголки его губ чуть приподнялись:

— Хорошо, слушаюсь тебя во всем.

Пятьдесят четыре тридцать восемь:

— ...Почему мне слышалось в его словах столько нежности?

Вэй Чэнцзэ на мгновение замер, ничего не ответив, но расплывшаяся улыбка выдавала его отличное настроение.

Хотя это секретное царство и было важнейшим поворотным моментом в жизни главного героя Вэй Цзыаня, в конце концов, оно оставалось лишь локацией для ранних этапов истории и не представляло никакой угрозы ни для Вэй Чэнцзэ, ни для Фу Анье. Всего за три дня все те сокровища, что изначально должны были достаться Вэй Цзыаню, полностью перешли к этой двоице.

— Но здесь совсем нет удачи... — Пятьдесят четыре тридцать восемь едва не заливался слезами, глядя на то, как одно за другим сокровища небесного происхождения исчезают в пространственных мешках.

Услышав жалобы системы, Вэй Чэнцзэ на секунду прервал шаг. Выражение его лица ни капли не изменилось, он говорил так, будто речь шла о какой-то совершенно незначительной мелочи:

— Скоро появится.

Словно в подтверждение его слов, нефритовая подвеска на поясе внезапно ярко вспыхнула.

Сняв украшение с пояса, Вэй Чэнцзэ чуть улыбнулся, а в его взгляде заплескала нескрываемая радость.

Заметив это, Фу Анье прищурился:

— Время пришло?

Вэй Чэнцзэ лишь бросил на него быстрый взгляд, ничего не отвечая, но сияющие глаза выдавали его прекрасное настроение.

Фу Анье поднес складной веер к губам, в его взгляде читался живой интерес.

Наконец-то прояснится истинная цель Вэй Чэнцзэ, которую он так долго не мог разгадать.

Безымянное секретное царство. Внутри защитной формации под деревом неподвижно сидел мужчина в светло-серых одеждах, его лицо выражало предельную сосредоточенность. Перед ним была раскинута незаконченная шахматная партия. На пересечении линий черные камни оказались наглухо окружены белыми, угодив в безвыходное положение: любой неверный шаг грозил обернуться полнейшей катастрофой.

Рядом с мужчиной стояли три девушки, каждая со своей уникальной внешностью. Все они выглядели невероятно встревоженными и то и дело бросали взгляды на белые нефритовые камни в своих руках, словно чего-то ожидания. Внезапно камень, бережно зажатый в ладони, ярко засиял. Глаза девушек мгновенно вспыхнули, а лица озарились радостью:

— Он идет!

В то же время по небу промелькнул луч меча, и с летательного оружия спрыгнул молодой человек лет двадцати с небольшим. Он бросил мимолетный взгляд на мужчину, который все так же сидел под деревом, никак не реагируя на его появление, после чего нахмурился и обратился к девушкам:

— Что здесь происходит?

— Мы сами толком не знаем, — переглянувшись, ответила та из девушек, что была одета в простое длинное платье. Выступив вперед, она пояснила: — С тех пор как молодой господин уселся под деревом, он не шелохнулся ни разу. Прошло уже три дня и три ночи. Наши базы культивации слишком слабы, мы даже приблизиться к нему не можем. Не имея другого выхода, мы могли только позвать на помощь старшего.

Всего пара простых фраз исчерпывающе объясняла суть дела, попутно польстив новоприбывшему. Такой способностью к красноречию стоило восхищаться.

Вэй Чэнцзэ посмотрел на девушку с безупречной улыбкой и мысленно похвалил ее. Неудивительно, что в будущем эта женщина смогла занять прочное место в гареме Вэй Цзыаня, уступая лишь Лю Жуюй, которая прошла с ним весь путь от начала до конца.

Кивнув в знак того, что ситуация ему ясна, Вэй Чэнцзэ больше не произнес ни слова и сделал два шага в сторону Вэй Цзыаня. На него тут же обрушилось тяжелое невидимое давление, заставившее поморщиться.

Главный герой полностью оправдывал свой статус: хотя он начал изучать Искусство Небесной Тьмы почти на год позже Вэй Чэнцзэ, нынешняя база культивации уступала лишь чуть-чуть, а временами даже подавляла его. Конечно, определенную роль в этом сыграло то демоническое руководство, которое Вэй Цзыань заполучил после падения со скалы.

Само Искусство Небесной Тьмы было чересчур свирепым. Чтобы смягчить эту дикущую разрушительную мощь, Цинь Цзыцзинь передал Вэй Чэнцзэ специально подобранную мягкую технику внутренней ци, но Вэй Цзыань был совершенно другим. До того как овладеть Искусством Небесной Тьмы, он практиковал кривые дорожки демонических культиваторов, так что его основы изначально не могли быть добрыми и чистыми. По правде говоря, если бы не природная мягкость характера Вэй Цзыаня, его руки уже давно были бы по локоть в крови. И даже при этом его личность неизбежно пострадала: он стал замкнутым, мрачным и подозрительным, с трудом доверяя людям.

Конечно, в этом была немалая заслуга самого Вэй Чэнцзэ, который в свое время толкнул его в пропасть.

При этой мысли Вэй Чэнцзэ опустил ресницы, пряча улыбку.

Он сложил пальцы в заклинание меча, и висевший на поясе клинок тут же выскочил из ножен, зависнув перед ним и принимая на себя чудовищное давление.

Разумеется, он мог бы выдержать все и на чистой силе, но зачем выбирать сложный путь, когда есть более простой? Вэй Чэнцзэ никогда не отличался склонностью к излишним трудностям.

Чем ближе он подходил к шахматной доске под деревом, тем удушливее становилось давление. В конце концов оно перешагнуло рамки того, с чем должен был справляться Вэй Цзыань, и в этом, вне всяких сомнений, заключался особый эффект самой доски.

Преодолевая сопротивление, Вэй Чэнцзэ шаг за шагом приблизился к Вэй Цзыаню и опустил взгляд на доску.

Расклад сил был очевиден: белые камни захватили большую часть территории, и лишь жалкие крошечные остатки черных вели отчаянную борьбу за выживание. Ему оставалось лишь сделать один единственный ход, чтобы полностью уничтожить черные камни, а сидевший напротив человек навеки застрял бы в иллюзии шахматного поля без шансов на спасение.

Если бы только Вэй Цзыань не был главным героем.

Стоило вспомнить о том, что произошло, когда он только попал в этот мир и попытался прикончить Вэй Цзыаня напрямую, кончики пальцев Вэй Чэнцзэ невольно дрогнули. Такая вещь, как удача главного героя, действительно невероятно раздражала.

Прямое покушение на протагониста явно не работало. В свое время на пике Небесного Полюса Вэй Чэнцзэ уже пробовал чужими руками устранить Вэй Цзыаня, но то, что тот до сих пор сидел перед ним целый и невредимый, говорило громче любых слов.

Какие бы козни ни строил Вэй Чэнцзэ, в самый последний момент обязательно вмешивались какие-нибудь случайные факторы, разрушая все планы — так же внезапно, как та молния, не оставляя никаких зацепок. Более того, много раз Вэй Чэнцзэ сам оказывался в роли того, кто ломал собственные замыслы.

Но разве не в этом заключалось все веселье?

Если бы противника можно было просто давить в одни ворота, игра мгновенно растеряла бы весь свой интерес.

Усевшись напротив Вэй Цзыаня, Вэй Чэнцзэ немного подумал, протянул руку, взял один из черных камней и легко опустил его на пустующее пересечение в верхнем правом углу доски. Большинство дорог для белых камней мгновенно перекрылось, и ситуация на доске перевернулась с ног на голову. Подняв глаза на неподвижного противника, Вэй Чэнцзэ убрал руку. Стоило его пальцам оторваться от камня, как перед глазами внезапно потемнело, а когда сознание прояснилось, окружающий мир изменился до неузнаваемости.

Полированные красного дерева полы, роскошная хрустальная люстра в европейском стиле, перила из молочно-белого пластика с изящной резьбой, спиралью уходящие вверх. Вэй Чэнцзэ на мгновение замер. Внимательно оглядев до боли знакомую обстановку, он внезапно изогнул губы в улыбке:

— До чего же... занятно.

Партия, которую они только что разыграли с Вэй Цзыанем, осталась после некоего древнего могущественного эксперта перед его вознесением. Какова была изначальная цель этой игры, теперь уже никто не знал, но определенные правила последующие поколения все-таки смогли разгадать. Стоило играющему скатиться в проигрышную позицию, как он неизбежно проваливался в иллюзию шахматного поля. Потерпев поражение, несчастный навсегда застревал в ловушке, пока его физическое тело не обращалось в прах. Именно поэтому данную игру прозвали Шахматной партией жизни и смерти — даже культиваторы стадии Духовного Зарождения не решались доигрывать ее до конца без крайней необходимости.

После вознесения того мастера артефакт затерялся, и долгое время о нем не было ни слуху ни духу. Никто не знал, почему он вдруг объявился в этом тайном мирке. Вэй Цзыань и Лю Жуюй наткнулись на него случайно и, не ведая об опасности, не захотели упускать столь щедрый дар небес. В итоге Вэй Цзыань, еще даже не ступивший на стадию Основания, предсказуемо застрял в иллюзии. Лишь чудом Лю Жуюй распознала скрытую суть ловушки и сумела вытащить его. Именно внутри этого видения Лю Жуюй узнала о темном прошлом и издевательствах, через которые прошел Вэй Цзыань, после чего их отношения вышли на новый уровень.

И вот теперь, без Лю Жуюй и с совершенно иным жизненным путем, концовка Вэй Цзыаня осталась прежней. Мало того, поскольку его база культивации превосходила уровень пришедших с ним девушек, те оказались совершенно беспомощны перед лицом слурчившегося.

Конечно, Вэй Чэнцзэ просчитал это заранее, именно поэтому он и оставил данную локацию исключительно для Вэй Цзыаня.

Поднимаясь шаг за шагом по лестнице, Вэй Чэнцзэ улыбался все шире, но глаза его становились все холоднее.

Иллюзия внутри Шахматной партии жизни и смерти проецировала самые глубокие страхи и ненависть человека, угодившего в ловушку. До того как игра исчезла из мира, немало самоуверенных глупцов пытались бросить ей вызов, но сходили с ума прямо внутри видений, а некоторые и вовсе взрывались от переполнявшей их ци. Было время, когда Шахматная партия жизни и смерти считалась настоящим табу в мире бессмертных, о котором никто не смел произнести вслух.

— Но поскольку хозяин не принадлежит к этому миру и пользуется чужим телом, до такого ужаса дело не дойдет! Самое большее — увидишь парочку неприятных для себя сцен, и только! — так успокаивал его Пятьдесят четыре тридцать восемь, когда Вэй Чэнцзэ впервые заговорил об этой доске. Только вот система никак не ожидала, что Вэй Чэнцзэ полезет в ловушку добровольно.

Пятьдесят четыре тридцать восемь:

— В общем, я еще ни разу не угадал мысли хозяина, всхлип.

То ли система расстроилась из-за того, что предыдущая беготня не принесла им ни крупинки удачи, то ли по какой-то другой причине, но сейчас Пятьдесят четыре тридцать восемь необычно тихо молчал. Вэй Чэнцзэ остановился перед изящной деревянной дверью и слегка прищурился.

— Послушай... хозяин... — помявшись с полминуты и не выдержав любопытства, подал голос Пятьдесят четыре тридцать восемь. — А где это мы?

Судя по предыдущему странному поведению Вэй Чэнцзэ, система сгорала от нетерпения: что же за вещь способна вызвать у него такую лютую ненависть? Впрочем, еще больше хотелось узнать, чего именно он боится. Если нет сыра, сойдет и хлеб!

Хотя... разве у Вэй Чэнцзэ вообще есть страхи? Система относилась к этому скептически.

— У меня дома, — без особого энтузиазма ответил Вэй Чэнцзэ и толкнул дверную ручку.

Пятьдесят четыре тридцать восемь:

— Чего-о-о?!

Однако высказать свое потрясение система не успела — все ее внимание мгновенно приковало то, что открылось за дверью.

Маленькая односпальная кровать, панорамные окна от пола до потолка, письменный стол с учебниками, книжные шкафы, до отказа забитые сборными моделями, и всякая мелочевка. Все это не оставляло сомнений: перед ними детская комната, причем принадлежавшая мальчику.

В комнате царил идеальный порядок. Несмотря на обилие вещей, помещение не казалось загроможденным. Хозяин комнаты стоял у панорамного окна и отсутствующим взглядом смотрел на цветущий задний двор.

Мальчику было лет тринадцать-четырнадцать. Аккуратная стрижка, пара черных, как лучший обсидиан, глаз, в которых не было ни единой соринки.

Внезапно, услышав какой-то шорох, он обернулся. Лицо его озарила мягкая улыбка, и от этого движения его и без того симпатичное лицо мгновенно ожило, притягивая к себе взгляды.

Женщина в длинном платье цвета фуксии, напоминающем традиционное ципао, держала в руках сложную модель самолета. На ее лице играла нежная улыбка, когда она подошла к мальчику:

— Это та самая лимитированная модель, о которой ты говорил в прошлый раз. Я узнала, что у дяди Ван есть такая, и специально выкурила ее у него. Малышу Цзэ она нравится?

В ее глазах плескалась такая безграничная нежность, что казалось, она вот-вот перельется через край.

Пятьдесят четыре тридцать восемь:

— Малышу Цзэ?!

Система решила, что слова шок уже недостаточно для описания ее состояния. Впрочем, Вэй Чэнцзэ игнорировал систему, продолжая смотреть на подростка.

— Конечно нравится! — мальчик взял модель из ее рук, а его глаза засияли так ярко, будто весь мир вокруг вдруг озарился светом. — Спасибо, мама!

Они переглянулись — черты их лиц неуловимо совпадали. Спокойная нежность с одной стороны и лучезарная радость с другой создавали атмосферу необычайного уюта и гармонии. Пятьдесят четыре тридцать восемь некоторое время таращился на них, чувствуя, как в голове

пузырятся вопросы.

...Неприятная сцена? И что же, позвольте спросить, в этой идиллической картине такого противного?!

Системе безумно хотелось схватить самую иллюзию за грудки и потрясти: не сломалась ли она случайно, раз выдает такое?

Даже при своем скромном интеллекте Пятьдесят четыре тридцать восемь сообразил, что стоящий перед ними мальчик — это юный Вэй Чэнцзэ, а женщина напротив — его матушка. И судя по всему, отношения у них складывались самые теплые. Так... с чего бы этой картине вызывать омерзение? Точно, иллюзия дала сбой!

Однако, взглянув на абсолютно невозмутимого Вэй Чэнцзэ, система про себя засомневалась и выдвинула другую версию:

— Она твоя мачеха?

Судя по комнате, семья у Вэй Чэнцзэ была богатой. А у богачей менять жену за женой — обычное дело.

— Разумеется нет, — возможно, предположение системы показалось Вэй Чэнцзэ слишком забавным, но в его голосе впервые прорезался сдерживаемый смех. — Как с точки зрения биологии, так и по закону она моя мать. Моя единственная мать.

Он замолчал, уголки его губ приподнялись, и он добавил с глубоким подтекстом:

— Любимая мать.

— Э-э... тогда тебе не нравится та модель самолета? — не унималась система.

— Эту модель самолета я в свое время выпросил сам, едва зайдя на витрину, — снова разрушил догадки Пятьдесят четыре тридцать восемь Вэй Чэнцзэ.

...Так почему же тебя воротит от этой сцены?!

Поняв, что ход мыслей Вэй Чэнцзэ ей неподвластен, система молча отказалась от дальнейших расспросов. Даже если продолжить допрос, правды все равно не добиться, а вот нарваться на презрение к собственному уму — запросто! Вот в этом можно было не сомневаться!

Помассировав мысленно пострадавшее сердечко, Пятьдесят четыре тридцать восемь послушно заткнулся.

Глядя на оживленно болтающих мать и сына, Вэй Чэнцзэ вдруг смягчился во взгляде. Тихо усмехнувшись, он сложил пальцы в заклинание, и гигантское панорамное окно разлетелось вдребезги от одного удара. Прозрачные осколки осыпались дождем, преломляя солнечные лучи всеми цветами радуги. Однако мать с сыном словно не замечали происходящего: они продолжали болтать, ничуть не испугавшись внезапного нападения.

Вэй Чэнцзэ склонил голову набок, с минуту наблюдая за ними, а затем изменил движение рук. Вылетевший из ножен меч тут же разрубил мягкую односпальную кровать надвое.

На это странное, смахивающее на сумасшествие поведение Вэй Чэнцзэ система не отреагировала ни капелькой удивления. Наоборот, Пятьдесят четыре тридцать восемь принялся восторженно вопить: «Бей сюда! Руби там!», охваченный диким азартом. В конце концов Вэй Чэнцзэ разнес в щепки все находившееся в комнате. Уцелели лишь те двое, которые по-прежнему игнорировали внешний мир, продолжая улыбаться и разговаривать сами с собой, пока под пристальным взглядом Вэй Чэнцзэ не обратились в два белых камня.

Шагнув вперед и подняв упавшие на пол камни, Вэй Чэнцзэ почувствовал, как пространство вокруг задрожало, а затем рассыпалось на куски, оставив после себя лишь бесконечную тьму.

В этом и заключалась вся глубина Шахматной партии жизни и смерти.

Иллюзия — часть шахматного поля, а шахматное поле — часть иллюзии.

Все в иллюзии соткано из фигур. Атаковать иллюзию означало атаковать камни. Если бы все белые камни были уничтожены, Вэй Чэнцзэ проиграл бы партию. И наоборот. То, что белых камней на доске осталось так мало, вовсе не означало, что Вэй Цзыань безнадежен в шахматах — просто в своем видении он уничтожил слишком много черных камней, загнав себя в подобную ловушку.

Спрятав подобранные фигуры, Вэй Чэнцзэ поднял голову и окинул взглядом однородную темноту, легко щелкнув пальцами. Едва слышный гул сорвался с натянутых на его пальцах тонких струн, разлетаясь во все стороны. Мгновение спустя откуда-то из левой передней полусферы раздался точно такой же отзвук, донесшийся с неизмеримого расстояния.

<http://bllate.org/book/22485/2370641>